Вестн. Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. № 1. С. 111–153
Lomonosov World Politics Journal. 2026. No. 1. P. 111–153

DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-111-153

Научная статья / Research paper

П.В. Кузнецов*

ОТ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ К КОНКУРЕНТНОМУ РЕГИОНАЛИЗМУ: АТР В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и Современной Азии РАН»
117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32

Модель глобализации, сложившаяся во второй половине XX в., в настоящий момент оказалась в состоянии глубокого кризиса, наглядным выражением которого является нарастающая фрагментация единого экономического пространства. В этих условиях ведущие субъекты международных отношений пересматривают свою экономическую политику, отдавая приоритет соображениям безопасности над эффективностью и пытаясь переформатировать под свои нужды региональные экономические порядки. Наиболее выразительно эта тенденция проявляется в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), где разворачивается конкуренция между сразу несколькими моделями региональной интеграции, а фактически происходит отработка одного из потенциальных форматов будущего мироустройства. На первый план в этом контексте выходит соперничество интеграционных моделей, продвигаемых США и КНР, как двух основных центров экономической гравитации в регионе. Американская экономическая стратегия подчинена цели гарантировать региональное доминирование США, что в условиях кризиса модели неолиберальной глобализации всё больше превращается в анахронизм. Китайские интеграционные проекты, напротив, нацелены не столько на установление региональной гегемонии, сколько на выстраивание такой экономической архитектуры, которая защитила бы Китай от повторения ситуации «века унижения». При этом главным препятствием на пути реализации китайской стратегии в АТР, по мнению автора, могут стать не столько торгово-технологические санкции и военно-политическое давление со стороны государств Запада, сколько структурные проблемы

* *Кузнецов Павел Вячеславович* — заместитель директора Института Китая и современной Азии РАН (e-mail: pkuznetsov@iccaras.ru; ORCID: 0009-0008-8853-0220).

© Кузнецов П.В., 2026

экономики КНР. Американо-китайское экономическое противостояние ставит перед региональными игроками новые вызовы и одновременно открывает новые возможности для проведения собственной независимой политики. В этом отношении обращает на себя внимание японская стратегия экономической интеграции в АТР, которую можно рассматривать как достаточно выверенную и просчитанную попытку Токио занять нишу нормативного, а может, и инфраструктурного мостика между конкурирующими центрами силы. Наконец, особый интерес представляет политика стран — участниц АСЕАН, которые, используя многовекторную дипломатию для выстраивания связей между различными интеграционными контурами, извлекают выгоду из конкуренции между ними и отыгрывают себе дополнительное пространство для маневра. В целом, несмотря на то что новый многополярный мировой порядок еще находится в стадии становления, пример АТР уже сейчас показывает, что он будет существенно отличаться от предыдущих исторических аналогов значительно большей сложностью и взаимозависимостью.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, деглобализация, регионализм, США, КНР, Япония, АСЕАН, путь АСЕАН, «Пояс и путь», ВРЭП, ИТЭС, ВПСТП

Для цитирования: Кузнецов П.В. От деглобализации к конкурентному регионализму: АТР в контексте становления многополярного мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 111–153. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-111-153.

Pavel V. Kuznetsov

FROM DEGLOBALIZATION TO COMPETING REGIONALISM: ASIA-PACIFIC REGION IN THE CONTEXT OF THE EMERGING MULTIPOLAR WORLD ORDER

Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117977

The globalization model that took its shape in the second half of the 20th century is currently in a deep crisis, vividly manifested in the increasing fragmentation of the previously integrated economic space. Under these conditions,

the leading actors in international relations are revising their economic policies, prioritizing security considerations over efficiency and seeking to tailor regional economic orders to their own needs. This trend is most pronounced in the Asia-Pacific, where competition between several models of regional integration is unfolding, effectively serving as a testing ground for one of the potential formats of the future world order. In this context, the rivalry between the integration models advanced by the United States and the People's Republic of China, as the two principal centers of economic gravity in the region, comes to the fore. The U.S. economic strategy is subordinated to the goal of securing regional dominance; a pursuit that, amid the crisis of the neoliberal globalization model, is increasingly becoming an anachronism. China's integration projects, by contrast, are aimed not so much at establishing regional hegemony as at building an economic architecture that would protect China from a recurrence of the 'century of humiliation'. At the same time, the author argues that the main obstacle to the implementation of China's strategy in the Asia-Pacific may lie not in trade and technological sanctions or military-political pressure from Western states, but rather in the structural problems of the PRC's economy. The Sino-American economic confrontation poses new challenges to regional players while simultaneously opening up new opportunities for pursuing independent policies. In this regard, Japan's strategy of economic integration in the Asia-Pacific merits particular attention; it can be regarded as a carefully calibrated and well-calculated attempt by Tokyo to occupy the niche of a normative, and perhaps also infrastructural, bridge between the competing centers of power. Finally, the policies of the ASEAN member states are of particular interest: by employing multi-vector diplomacy to build linkages among various integration frameworks, they benefit from the competition between them and carve out additional room for maneuver. In general, although the new multipolar world order is still in the making, the case of the Asia-Pacific already demonstrates that it will differ markedly from previous historical analogues in its considerably greater complexity and interdependence.

Keywords: Asia-Pacific, Indo-Pacific, deglobalization, regionalism, USA, China, Japan, ASEAN, ASEAN Way, Belt and Road, RCEP, IPEF, CPTPP

About the author: *Pavel V. Kuznetsov* — Deputy Director, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (e-mail: pkuznetsov@iccaras.ru; ORCID: 0009-0008-8853-0220).

For citation: Kuznetsov, P.V. (2026) 'From deglobalization to competing regionalism: Asia-Pacific region in the context of the emerging multipolar world order', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 111–153. Available at: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-111-153. (In Russian.)

Расцвет процесса глобализации, зародившегося еще в период формирования Бреттон-Вудской системы, пришелся на конец XX — начало XXI в., когда с распадом Советского Союза исчезли последние барьеры для создания единого мирового рынка по модели, сформулированной западными идеологами.

К числу достижений глобализации можно отнести масштабный рост международной торговли, создание глобальных цепочек движения товаров и управления стоимостью, трансграничную оптимизацию производств в мировом масштабе, взрывной технологический прогресс, широкую инновационную кооперацию [см. подробнее: Ноздрев, 2025; Романов, 2025].

Между тем уже в ходе мирового финансового кризиса 2008 г., а в последующем также во время пандемии COVID-19 и особенно после начала активной фазы украинского конфликта стали заметны серьезные уязвимости данной модели, по сути, ее несоответствие современному этапу развития цивилизации:

1) дерегуляция — обрушение по всему миру созданных глобализацией сложных и непрозрачных трансграничных финансовых цепочек, начавшееся с кризиса «ипотечного пузыря» в США («эффект домино»);

2) дефицит национального управления — правительства разных стран обнаружили свою неспособность контролировать транснациональные корпорации и банки (при этом, хотя деятельность последних и носила глобальный характер, спасать их пришлось за деньги собственных налогоплательщиков);

3) разрушение «социального контракта» — финансовые элиты получили госпомощь, а простые граждане даже в развитых странах потеряли рабочие места и жилье, что позже привело к росту протекционизма и популизма;

4) хрупкость глобальных цепочек поставок — остановка заводов в Китае во время пандемии и введение «локдаунов» в Европе мгновенно парализовали производство по всему миру, в результате резкий дефицит жизненно необходимых товаров первой необходимости (фармацевтика, медицинское оборудование, электроника) показал, что их производство гиперконцентрировано в нескольких странах (прежде всего в КНР), — ожидаемо вызвало панику и подорвало репутацию глобального разделения труда;

5) примат национального над глобальным — мир неожиданно столкнулся с «вакцинным национализмом» и закрытием границ,

при этом глобальные институты, такие как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), не смогли своевременно выработать эффективные решения, фактически сдавшись перед напором национальных эгоистических и часто панических мер;

6) секьюритизация экономики — с началом украинского конфликта глобальные рынки (энергоносители, продовольствие, редкоземельные металлы и даже финансовые резервы) стали инструментами гибридной войны, правила глобальной торговли подчинились политической целесообразности;

7) фрагментация и блоковое мышление — страны осознанно начали жертвовать своей реальной экономической выгодой ради мнимой безопасности (отказ от дешевых российских энергоносителей в Европе, несмотря на шок для промышленности и экономическую рецессию, разрушил неприкосновенность рынка).

Отражением этих кризисных тенденций стал процесс, который сейчас принято называть деглобализацией, предполагающий фрагментацию единого экономического пространства. Одним из измерений этого процесса является попытка ряда государств вернуть себе экономический суверенитет за счет пересмотра своей экономической политики, как внешней, так и внутренней, и приоритизации соображений безопасности над эффективностью [см. подробнее: Mariotti, 2024]. Это происходит в том числе в связи с резким и травматичным разрывом по политическим мотивам устоявшихся и, главное, эффективных международных цепочек создания и поставок товаров. Как таковая деглобализация является в целом деструктивным процессом и не может считаться элементом позитивного развития — это скорее откат назад.

На смену «схлопывающейся» глобализации приходит регионализация. Теперь ведущие глобальные игроки настраивают под себя приоритетные регионы, а не весь мир сразу. Иными словами, международное экономическое и политическое сотрудничество переформатируется на региональном уровне на новых принципах через создание отдельных экономических порядков[1] [см. подробнее: Афанасьева, Ильина, 2025].

В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) из великих держав сейчас активно действуют только США и Китай. Создаваемые ими региональные системы сталкиваются, пересекаются, конкурируют,

[1] Nagy S.R. The economics of regional integration. London: Routledge, 2025.

вызывая серьезные трения и конфликты. Пекин активно, где-то даже агрессивно (как, например, в кейсе с портом Хамбантота в Шри-Ланке [см. подробнее: Stanojević, 2024]) реализует свою инициативу «Пояс и путь» (ИПП; Belt and Road Initiative, BRI) [см. подробнее: Iftikhar et al., 2025]. Вашингтон, в противовес Китаю, продвигает Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (ИТЭС; Indo-Pacific Economic Framework, IPEF) [см. подробнее: Papanikos, 2024]. Япония и Республика Корея, оставаясь в американском лагере, предпочитают выстраивать собственные стратегии экономической безопасности, не вступая в открытую конфронтацию с КНР и участвуя в различных региональных форматах сотрудничества. При этом так называемые средние державы, остальные страны региона, проводят привычную и оправдавшую себя многовекторную политику, извлекая максимально возможную выгоду в моменте.

В этом азиатско-тихоокеанском «котле» происходит отработка одного из потенциальных форматов будущего мироустройства, где могут эффективно сосуществовать конкурирующие экономические системы со своими центрами силы и интеграционными объединениями, а региональные акторы могут проводить гибкую политику, маневрируя между ними. Такое взаимодействие не ограничивается экономическим измерением, поскольку любые экономические блоки, даже перестав выполнять явную политическую функцию, как во времена расцвета глобализации, тем не менее остаются для великих держав инструментом их «мягкой силы», распространения их влияния, каналами продвижения их стандартов и правил.

Формирование региональных систем — не феномен новейшего времени. Это закономерный процесс децентрализации, обычно самозапускающийся в условиях ослабления центра силы (великой державы или сверхдержавы). Мир проходил через это много раз. Достаточно вспомнить Вестфальский мир 1648 г. после Тридцатилетней войны или Венский конгресс 1814–1815 гг. Возможное отличие нынешних процессов состоит в том, что они, хоть и вызванные внешней причиной (исчерпание потенциала глобализации), вместе с тем развиваются через возрастающий приоритет региональных политических, экономических и культурных связей над масштабным глобальным взаимодействием. На некоторых этапах такие региональные системы могут приобретать значительную автономию с собственными центрами гравитации (не всегда силы), правилами многовекторных взаимоотношений, процедурами интеграции. Из

этих систем формируется так называемая мозаичная многополярность, в основе которой — внутрирегиональная экономическая взаимозависимость как основной системообразующий фактор, от которого зависят архитектура, представленность, границы конкретного объединения.

Таким образом, на этапе отхода мира от уни- или биполярности именно экономические инструменты становятся для государств основным средством достижения своих геополитических целей, когда главные сражения происходят не в военно-политической сфере, а в области контроля над рынками сбыта, стратегическими ресурсами, технологиями, транспортными маршрутами [см. подробнее: Morschett et al., 2025].

Именно эти процессы мы и наблюдаем сейчас в АТР — формирование двух региональных систем, китаецентричной и американоориентированной, вокруг двух центров экономической гравитации. Рядом (не на равных, но со своим вектором развития) формируется и отдельная, может, даже потенциально автономная «асеановская» модель. В этой связи ИПП, ИТЭС, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП; Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP) и другие региональные интеграционные объединения надо рассматривать не как чисто экономические проекты, а как инструменты создания определенными акторами своих «карманных» региональных систем, где экономическое влияние, контроль над товарными и инвестиционными потоками используются для продвижения собственной политической повестки, а в некоторых случаях — в качестве стратегических рычагов давления, как, например, в ходе американской тарифной войны 2024–2025 гг.[2] [см. подробнее: Iftikhar et al., 2025; Liu et al., 2025; Political economy of East Asian economic integration…, 2025; Raj Aura et al., 2025].

Такие действия великих держав можно рассматривать как яркое проявление известной концепции «экономического государствования» (*economic statecraft*), когда под продвигаемые (или навязываемые) правила игры создаются региональные финансовые институты, преференциальные торговые зоны, устанавливаются

[2] Wen Jing. China's three-dimensional path to building an Asia-Pacific regional cooperation network // China Watch. 28.11.2025. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI0NzgzODQzMQ==&mid=2247541293&idx=2&sn=8bc47a74d3e58c423f444a0214c05f14&chksm=e805ad3d4ea2fe1efbdd21e924e9f4ee21b4ccc1850ea03975b0f1ba0647c4f7826befcc96e7&scene=27 (accessed: 15.03.2026). (In Chinese.)

строгие технические стандарты, (например, зеленая повестка, ESG-открытость (от англ. *environmental, social, governance*))[3].

Цель данного исследования — определение контуров новой би- или многополярной системы и оценка потенциала американских и китайских интеграционных инициатив, а также балансирующих стратегий «средних держав» в области трансформации экономического пространства АТР. В фокусе исследования находятся три взаимосвязанных сюжета: эволюция экономической стратегии США, становление китаецентричной региональной системы, роль Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и «средних держав» как балансиров локальной архитектуры. Япония рассматривается не столько как союзник США, сколько как влиятельный региональный актор, выстраивающий собственную (весьма специфическую) модель экономической безопасности в условиях американо-китайской конфронтации.

Структура статьи выстроена следующим образом. После теоретико-постановочной части следуют два раздела, посвященные экономическим стратегиям США и Китая как двух великих держав и главных игроков в регионе. Каждая из стратегий исследована в динамике — от исторических предпосылок до современных интеграционных проектов. Затем рассмотрена интеграционная стратегия Японии как одной из наиболее мощных региональных экономик и влиятельного участника интеграционных процессов в АТР, создающего собственную экосистему региональных взаимоотношений. Наконец, в центре внимания последнего раздела находится уровень «средних держав» и АСЕАН как площадки регионального консенсуса. Выбранная структура исследования позволяет показать, как более мелкие, но при этом весьма значимые акторы и их национальные интеграционные стратегии дополняют многослойную, многополярную архитектуру региона. В завершающем разделе дана оценка потенциальным траекториям развития региональной подсистемы, жизнеспособности зарождающихся форматов и их роли в контексте формирования многополярного мирового порядка.

[3] McMaster H.R., Grotto A.J. Economic statecraft: the need for an integrated approach // Hoover Institution. March 2025. URL: https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/McMaster-Grotto_EconomicStatecraft_web-240303.pdf (accessed: 15.03.2026); Rafih R., Bharadwaj A., Rodríguez-Chiffelle C. et al. Economic statecraft is back. Here's why it matters // Boston Consulting Group (BCG). 29.10.2024. URL: https://www.bcg.com/publications/2024/economic-statecraft-is-back (accessed: 15.03.2026).

Американская стратегия сдерживания

Американское доминирование в регионе имеет глубокие исторические корни. Сан-Францисская система военно-политических договоренностей США со странами АТР, оформившаяся в 1950-е гг., обеспечила на долгие годы не только сдерживание СССР, КНР, КНДР и ДРВ, но и контроль Вашингтона над горизонтальными коммуникациями государств региона, так как модель «оси и спиц» (*hub-and-spoke model*) предполагала связь между вовлеченными акторами только через США. Именно альянсы с Японией, Филиппинами, Австралией, Новой Зеландией, Южной Кореей и Тайванем заложили основу гегемонии Соединенных Штатов в регионе [см. подробнее: Верхоломов, 2024b]. Превращение Японии из противника в стратегического партнера США обеспечило ей экономическое возрождение и определенную либерализацию. Вашингтон при этом делал ставку на Японию как на главного экономического конкурента региональным коммунистическим системам.

С Китаем же ситуация стала развиваться по иному сценарию. После нормализации китайско-американских отношений при Р. Никсоне и Дж. Картере во внешнеполитических кругах США возобладало мнение, что поддержка экономической либерализации КНР приведет и к ее политической либерализации («теория конвергенции»). Китай не воспринимался Соединенными Штатами как серьезный экономический конкурент, поэтому такой курс американские администрации проводили вплоть до начала 2000-х гг., когда уже при прямой поддержке У. Клинтона КНР вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО).

С 1990 г. в связи с окончанием холодной войны начался масштабный процесс пересмотра экономической стратегии США в регионе, растянувшийся на целое десятилетие. Исчезновение главного идеологического противника обусловило необходимость формирования новой экономической архитектуры, в основе которой должны были лежать принципы неолиберальной глобализации, понятные и удобные для Вашингтона. Ключевой инициативой в этом направлении стал форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), который и был призван обеспечить институциональные рамки для экономического диктата США в регионе [см. подробнее: Верхоломов, 2024a]. Главным вызовом в этот период оказался разразившийся в 1997–1998 гг. азиатский финансовый

кризис, который выявил структурные уязвимости региональной экономической модели и потребовал масштабного вмешательства Международного валютного фонда (МВФ) при доминирующей роли США [см. подробнее: Vlados, Chatzinikolaou, 2025]. Китай в это время оставался периферийным игроком в глобальных экономических отношениях, спокойно проводя внутренние экономические реформы.

Однако уже с 2001 г. и примерно по 2016 г. в регионе развернулась новая масштабная трансформация, связанная со вступлением Китая в ВТО, а также его стремительной экономической модернизацией и развитием. Если ранее в основе стратегии США в отношении КНР лежала связка «интеграция Китая в глобальную экономику — его политическая либерализация», то уже в 2010-е гг. стало очевидно, что Пекин, сохранив свою политическую модель, стремительно превращается в ключевого экономического конкурента Вашингтона не только в АТР, но потенциально и во всём мире. Объем американо-китайской торговли вырос со 120 млрд долл. в 2001 г. до почти 660 млрд долл. в 2018 г.[4], сформировав сохраняющуюся и по сей день беспрецедентную экономическую взаимозависимость двух стран [см. подробнее: Roudometof, 2024].

С 2017 г. экономическое соперничество между США и Китаем, продолжая нарастать по экспоненте, приобрело уже характер системной конфронтации. Первой на это отреагировала администрация Б. Обамы, разработавшая Индо-Тихоокеанскую стратегию сдерживания[5]. Затем в годы первого президентства Д. Трампа США усилили и даже радикализировали этот подход, официально обозначив Китай в качестве стратегического конкурента[6], и развязали первую торговую войну, введя тарифы на китайские товары на сумму более 200 млрд долл.[7]

[4] Myers J. More than 30 years of US trade with China, in one chart // World Economic Forum. 28.05.2019. URL: https://www.weforum.org/stories/2019/05/more-than-30-years-of-us-trade-with-china-in-one-chart (accessed: 15.03.2026).

[5] Indo-Pacific Strategy of the United States, February 2022 // The White House (2021–2025). URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (accessed: 15.03.2026).

[6] National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // The White House (2017–2021). URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (accessed: 15.03.2026).

[7] USTR finalizes tariffs on $200 billion of Chinese imports in response to China's unfair trade practices // Office of the United States Trade Representative (archive). 18.09.2018.

В Пекине ожидали, что после прихода Дж. Байдена произойдет отказ от этого подхода, однако он, напротив, был закреплен и углублен. Его администрация не стала снимать ограничения и сосредоточилась на стратегии де-рискинга (*de-risking*), связанной со снижением критической зависимости от КНР в стратегических отраслях [см. подробнее: Mariotti, 2024]. На это был направлен и Закон о снижении инфляции[8], и Закон о чипах и науке[9], которыми предусматривались масштабные субсидии для развития производства проводников и зеленых технологий на территории Соединенных Штатов. Можно сказать, что именно в этот период Россия окончательно перестала быть экономическим конкурентом США в регионе: ВВП Китая на тот момент превышал российский почти в 10 раз[10], а его доля в глобальных цепочках создания стоимости делала его несравненно более значимым игроком мировой экономики [см. подробнее: Ноздрев, 2025; Романов, 2025].

Преемственность в стратегии сдерживания КНР при разных администрациях можно объяснить наличием в Вашингтоне широкого межпартийного консенсуса в отношении нарастающих угроз, исходящих от Китая. Можно заметить, что и республиканцы, и демократы, несмотря на в целом значимые различия в тактических шагах, тем не менее разделяют общее убеждение в необходимости комплексного противодействия китайским амбициям по изменению сложившегося и удобного для США международного порядка. Именно в этом контексте представляется целесообразным рассматривать запущенную Вашингтоном в мае 2022 г. инициативу по созданию ИТЭС [см. подробнее: Raj Aura et al., 2025].

Данная инициатива включает четыре крупных тематических направления: справедливая и устойчивая торговля, цепочки поставок, чистая экономика и, наконец, борьба с коррупцией, налоговая политика и противодействие уклонению от уплаты налогов. Сразу

URL: https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/september/ustr-finalizes-tariffs-200 (accessed: 15.03.2026).

[8] H. R. 5376 – An Act to Provide for Reconciliation Pursuant to Title II of S. Con. Res. 14 // Library of Congress. 16.08.2022. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376 (accessed: 15.03.2026).

[9] H. R. 4346 – CHIPS and Science Act // Library of Congress. 09.08.2022. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346 (accessed: 15.03.2026).

[10] GDP – Gross Domestic Product // CountryEconomy.com. URL: https://countryeconomy.com/gdp?year=2020 (accessed: 15.03.2026).

бросается в глаза важное отличие ИТЭС[11] от традиционных соглашений о свободной торговле (Зона свободной торговли АСЕАН (ASEAN Free Trade Area, AFTA)[12], ВРЭП[13], Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПСТП, Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, CPTPP)[14]) — отсутствие обязательств по снижению тарифов. Это связано с растущим в США скептицизмом относительно выгод от дальнейшей торговой либерализации с учетом изменившихся политико-экономических реалий.

Стратегия Вашингтона по продвижению ИТЭС носит многоуровневый характер. Прежде всего речь идет о создании институциональной альтернативы китайским инициативам, таким как ВРЭП и ИПП. В экономическом плане США стремятся зафиксировать в регионе новые правила игры, соответствующие американским подходам и стандартам в таких сферах, как, например, защита данных, экологические нормы и даже трудовые права. На политическом уровне провозглашение ИТЭС, очевидно, должно продемонстрировать сохраняющуюся включенность США в дела региона, особенно после их выхода из Транстихоокеанского партнерства (ТТП) в 2017 г., что вызвало серьезное беспокойство у их партнеров и союзников в АТР. При этом важно отметить, что ИТЭС не предполагает какого-то преференциального доступа к американскому рынку, в то время как именно экономические соображения являются для многих стран региона основной причиной участия в различных интеграционных проектах. Сомнения и опасения государств АТР только усугубляются на фоне многочисленных угроз президента США Д. Трампа ввести, по сути, запретительные тарифы в отношении многих из них. Наконец, на оценку надежности обязательств Вашингтона негативно влияет и непростая внутриполитическая ситуация в США.

[11] Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/ipef (accessed: 15.03.2026).

[12] Meng-Kng C. Regional business development in ASEAN: AFTA // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/regional-business-development-in-asean-afta (accessed: 15.03.2026).

[13] Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/our-communities/economic-community/integration-with-global-economy/regional-comprehensive-economic-partnership-rcep (accessed: 15.03.2026).

[14] Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership // United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028056a333 (accessed: 15.03.2026).

Региональные игроки опасаются, что долгосрочные международные американские инициативы могут быть преданы забвению следующей администрацией, как это случилось с ТТП.

Стоит также отметить и различия в приоритетах между самими участниками ИТЭС. Развивающиеся экономики в Юго-Восточной Азии (ЮВА) не всегда разделяют амбициозные экологические цели США, что, несомненно, осложняет выработку единых стандартов, которые являются основой ИТЭС [см. подробнее: Morschett et al., 2025].

Альтернативные сдерживанию Китая подходы (продолжение взаимодействия, умеренное балансирование и даже экономическая взаимозависимость [см. подробнее: Yang, Keller, 2025]) не получили развития и даже были прямо отвергнуты американским истеблишментом как не учитывающие глубокую экономическую взаимозависимость между странами региона и Китаем и, более того, противоречащие фундаментальным принципам американской внешней политики, основанной на идее глобального лидерства. В этом контексте ту же ИТЭС можно рассматривать как попытку найти определенный компромиссный вариант, сочетающий элементы как сдерживания, так и сохранения экономического взаимодействия, хоть и на условиях, определяемых Вашингтоном.

Конечно, многие государства ЮВА, в том числе с подачи США, выражают определенную озабоченность растущим влиянием Китая и, во всяком случае, на уровне публичных заявлений заинтересованы в сохранении американского присутствия как компенсирующего фактора [см. подробнее: Morschett et al., 2025]. Однако их экономическая зависимость от китайского рынка инвестиций делает их осторожными в отношении любой инициативы, которая может быть воспринята Пекином как враждебная. Такая политическая двойственность проявляется в стратегии многовекторности, которую проводят Индонезия, Вьетнам, Сингапур, не присоединяясь ни к одному из лагерей, но стремясь извлечь выгоду из американо-китайской конкуренции в регионе. Эта амбивалентность по отношению к американской стратегии еще раз подчеркивает ее сложный и противоречивый характер [см. подробнее: Manpreet et al., 2025].

Эксперты-международники тоже по-разному оценивают ее успешность. Например, некоторые американские исследователи отмечают, что за прошедшие 15 лет с момента провозглашения администрацией Б. Обамы поворота в Азию Соединенным Штатам

удалось сохранить значительное экономическое влияние в регионе, хотя и при снижении доли в региональной экономике на фоне наращивания Китаем своей мощи. При этом если в краткосрочной перспективе считается эффективным сохранение ограничительных мер в целях замедления технологического прогресса КНР, особенно в области полупроводников, то уже в среднесрочной — выражаются серьезные сомнения в способности США предложить странам региона экономические выгоды, сопоставимые с теми, что вытекают из сотрудничества с Пекином [см., например: Political economy of East Asian economic integration…, 2025]. Кроме того, многие американские аналитики склоняются к тому, что в регионе в итоге будет сформирована биполярная экономическая модель, где разные группы стран будут ориентироваться либо на американский, либо на китайский вектор[15] [Kliman et al., 2019; Tankel et al., 2021].

Китайские эксперты, конечно, негативно оценивают американскую стратегию в АТР в долгосрочной перспективе. По их мнению, дальнейшая интеграция азиатских экономик с китайским рынком неизбежна независимо от политических усилий Вашингтона, просто исходя из экономических законов развития региона [Zhang Guojun, 2021]. При этом они признают, что в ближайшие годы американское давление будет продолжать существенно влиять на китайскую экономику и создавать для нее серьезные вызовы, что, по их мнению, является стратегической ошибкой США, так как сотрудничество и синергия принесли бы значительно более интересные для обеих сторон результаты [Tong Zhao, 2023].

Японские эксперты также проявляют достаточно скептическое отношение к перспективам американской стратегии. Одна из болевых точек для Японии — это выход США из ТТП в 2017 г., который продемонстрировал непоследовательность Вашингтона в своей экономической политике. Японские аналитики признают, что в регионе сформировалась сложная система экономических взаимозависимостей, которая не учитывается в полной мере в экономической стратегии США, принимающей зачастую излишне конфронтационный характер. Однако Токио в целом выступает

[15] Thome K. Nesting the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) in Pacific-region Trade Agreements // U.S. International Trade Commission. January 2024. URL: https://www.usitc.gov/publications/332/executive_briefings/ebot_ thome_nesting_the_indo-pacific_economic_framework.pdf (accessed: 15.03.2026).

за сохранение американского присутствия как стабилизирующего фактора в условиях растущего китайского влияния[16].

Эксперты из других стран АТР в основном продвигают официальные нарративы своих правительств, признавая как позитивные, так и негативные стороны китайской и американской экономических стратегий в регионе. По их мнению, очевидно, что экономическая гравитация неумолимо смещается в сторону КНР, хотя военное присутствие США по-прежнему обеспечивает безопасность многих государств АТР [Aung Kyaw, 2021; Nam Tien, Thu Trang, 2023; Songying Fang, Xiaojun Li, 2022]. В этой связи они призывают продолжать сложный компромиссный курс, чтобы получать выгоды как от американских инициатив в области безопасности, так и от китайских экономических проектов. При этом биполярная система в регионе, вероятно, будет оставаться наиболее комфортной моделью для этих стран, а США продолжат сталкиваться с вызовами своей экономической гегемонии в АТР, хоть и со смещением фокуса с военно-политического на экономико-технологический фактор соперничества [Hoang Hai Ha, Le Lena, 2022].

В целом стратегия США в АТР — это наглядный пример доминирования военно-политического мышления над экономическими реалиями. Сан-Францисская система, обеспечивающая контроль и сдерживание, стала блестящим решением для своего времени. Но мир с тех пор сильно изменился, а инерционность тех подходов до сих пор значительно влияет на политику США в регионе. Вашингтон как будто пытается наложить старую матрицу понятного и ранее довольно эффективного сдерживания на современные условия, где Китай уже является приоритетным и очень ценным торгово-экономическим, инвестиционным, промышленным, а часто и гуманитарным партнером практически всех стран АТР. И чем больше США оказывают давление на бывших союзников с требованием выбрать лагерь, тем активнее эти страны углубляют связи с Пекином, чтобы защититься от такого нажима.

В этом контексте ИТЭС — это не столько стратегия, сколько симптом отчаяния, худшее из ничего, ведь это соглашение не обеспечивает участникам главное — доступ к рынку США. Предложе-

[16] Terada Takashi. Indo-Pacific geo-economics and US-China hegemony competition: the development of economic power in international politics // RIETI Open BBL Webinar. 22.12.2023. URL: https://www.rieti.go.jp/jp/events/bbl/23122201_terada.pdf (accessed: 15.03.2026). (In Chinese.)

ние «высоких стандартов» без допуска к самому привлекательному рынку странам Азии, где торговля — это кровь экономики, воспринимается не иначе как очередная форма колониализма и дискриминации. Отказ Вашингтона от тарифных уступок в АТР расценивают как признание им собственной уязвимости — Америка больше не может конкурировать с Китаем «на его поле» (доступ к рынкам, дешевые товары), поэтому пытается перенести игру «на свое поле» стандартов, цифровых правил и «чистой экономики». Стандарты, конечно, важны, но они работают, когда есть куда экспортировать и когда твоя продукция там нужна, принимается, конкурентна. И для таких стран, как, например, Вьетнам и Индонезия, это вопрос выживания отраслей, регионов, массы людей. Этим обусловлены и скепсис местных экспертов, и эрозия американского влияния. Но в США по-прежнему всё определяет логика национальной безопасности, а не экономической целесообразности.

Возможно, Вашингтону стоит адаптироваться к новой реальности, где именно экономическая мощь служит ключевым фактором регионального влияния, превалируя над привычной военно-политической доминантой.

Успех инициативы ИТЭС зависит от способности США предложить странам региона понятные и долгосрочные экономические выгоды, не связанные с политической поддержкой Вашингтона, и убедить их политические элиты в устойчивости этих институциональных структур, в том числе во время сложных политических процессов в самой Америке.

Стремление Пекина стать центром азиатской экономической гравитации

Основные параметры стратегического присутствия Китая в АТР уходят корнями во времена упадка Цинской династии и период 1839–1949 гг., известный как «век унижения» (百年国耻, bǎinián guóchǐ), когда ранее доминировавшая в регионе китайская цивилизация столкнулась с военным превосходством западных держав и Японии. Опиумные войны, навязанные неравноправные договоры, создание колоний-сеттльментов, огромные контрибуции после жестокого подавления коалицией восьми держав восстания ихэтуаней подорвали традиционную китаецентричную систему международных отношений в Азии и отодвинули Пекин от региональных интеграционных процессов.

В этой связи особенно показателен период японской экспансии в первой половине XX в., когда Китай потерял контроль над своими ключевыми промышленными регионами и транспортными артериями, превратившись из значимого регионального игрока, даже гегемона, в жертву иностранной агрессии. После образования КНР в 1949 г. начался медленный процесс восстановления китайского суверенитета и регионального влияния. Изначально он был ограничен идеологическими рамками холодной войны. Экономическая стратегия Пекина в тот период сочетала советскую модель плановой экономики с элементами автаркии. В тот момент это позволяло сохранять определенный политический суверенитет, хотя, конечно, и не способствовало региональной экономической интеграции. Нормализация отношений с США в 70-е гг. XX в. создала предпосылки для последующего «открытия» китайской экономики. Однако настоящий прорыв произошел только после начала реформ Дэн Сяопина в 1978 г., когда Китай постепенно стал реинтегрироваться в региональную экономику: сначала как источник дешевой рабочей силы, а в дальнейшем — и играя всё более значимую роль как важный потребительский и инвестиционный рынок.

Современный этап китайской экономической стратегии в Азии оформился в начале XXI в. Стремительный экономический рост позволил Пекину начать переход от просто адаптации к созданным внешними игроками региональным структурам ко всё более активному формированию собственной новой экономической архитектуры. И наиболее амбициозным проявлением этой новой стратегии стала анонсированная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. ИПП [см. подробнее: Iftikhar et al., 2025]. С экономической точки зрения ее логика основывалась на создании за счет государственных и квазигосударственных инвестиций разветвленной сети инфраструктурных коридоров, соединяющих Китай с рынками Европы, Африки, Азии. По замыслу архитекторов ИПП, это должно обеспечить бесперебойные поставки энергоресурсов и сырья в КНР, а также китайских товаров на внешние рынки, в первую очередь в обход транспортных коридоров, контролируемых США. Финансовой основой ИПП стали создаваемые Китаем так называемые банки развития, в том числе Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, а также Фонд «Шелкового пути», которые дополнили кредитные объемы, выделяемые китайскими государственными банками.

Вторым опорным элементом китайской стратегии стало ВРЭП, подписанное в 2020 г. после 8 лет сложных переговоров [Zhou Jianshan, Sun Shui'e, 2025]. Его ключевым отличием от ИПП является многосторонняя структура, объединяющая страны АСЕАН, Китай, Японию, Республику Корея, Австралию и Новую Зеландию. Для Пекина это соглашение имеет стратегическое значение, так как создает крупнейшую в мире зону свободной торговли, охватывающую около 30% мирового населения и ВВП. Оно также институционализирует позицию Китая как, по сути, центра региональной экономической гравитации, создавая альтернативу ТТП, особенно после выхода из него США.

Экономическая интеграционная стратегия Китая в регионе сейчас развивается в условиях достаточно сложного переплетения внутренних и внешних вызовов. Внутренняя экономическая ситуация характеризуется сочетанием различных структурных диспропорций, время от времени создающих серьезные ограничения для внешнеполитического маневрирования Пекина. По данным Государственного статистического управления КНР, опубликованным 19 января 2026 г., ВВП страны вырос в 2025 г. на 5%[17]. Однако, несмотря на достижение целевого показателя, китайская экономика фактически демонстрировала более слабые темпы роста в годовом исчислении квартал за кварталом, что свидетельствует о сохраняющейся слабости внутреннего спроса[18]. Китай три последних года подряд достигал целевого уровня роста «около 5%». Однако по итогам работы двойной сессии в марте 2026 г. впервые с 2019 г. установлен целевой показатель роста ВВП в виде диапазона, а именно 4,5–5% с пометкой «стремиться к более высоким результатам». Более десятка провинций, включая таких экономических гигантов, как Гуандун и Чжэцзян, также снизили свои ожидания экономического роста[19].

[17] Цели экономического развития, направленные на достижение новых и лучших результатов к 2025 г., успешно достигнуты // Национальное бюро статистики КНР. 19.01.2026. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202601/t20260119_1962330.html (дата обращения: 15.03.2026). (На кит. яз.)

[18] China's economic momentum weakens despite meeting 5% growth goal // Bloomberg News. 19.01.2026. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-01-19/china-s-economy-grows-5-in-2025-as-export-boom-helps-meet-goal (accessed: 15.03.2026).

[19] Chinese regions cut GDP goals in sign nationwide target may drop // Bloomberg News. 29.01.2026. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-01-29/chinese-regions-cut-gdp-goals-in-sign-nationwide-target-may-drop (accessed: 15.03.2026).

При этом при практически нулевой динамике индекса потребительских цен падает индекс цен производителей, создавая по аналогии с японским опытом риск сценария «потерянного десятилетия», что также приводит к нарастанию дефляционного давления[20]. Эти внутренние трудности усугубляет и продолжающаяся торгово-технологическая конфронтация с коллективным Западом, что, несмотря на официально декларируемый оптимизм, в совокупности всё-таки ограничивает как ресурсную базу, так и операционные возможности китайской экономической дипломатии.

В результате переориентация внешнеэкономической стратегии Пекина на укрепление связей со странами АТР как своего «домашнего» региона представляется закономерной [Zhang Guojun, 2021]. Она позволяет Китаю решать несколько взаимосвязанных задач, включая компенсацию потенциальных рисков падения объемов поставок на приоритетные потребительские рынки США и Европы в случае усиления торгово-тарифного противостояния. Рост товарооборота со странами — участницами ИПП составляет в среднем 6,2%[21]. Пекин активно реструктуризирует глобальные цепочки создания стоимости, стимулирует развитие внутренних технологических компетенций и формирование альтернативных финансовых механизмов, в том числе систему независимых платежей и цифрового юаня. Институционализация региональной интеграции через ВРЭП также создает определенные предпосылки для постепенного формирования более устойчивой к внешним шокам экономической мультисистемы в ближней зоне влияния Китая.

В этом контексте эскалация противостояния с Соединенными Штатами — это не просто ситуационная проблема, а системный вызов для реализации всей китайской экономической стратегии [Zhou Jianshan, Sun Shui'e, 2025]. Вашингтон в настоящий момент пытается избавиться от всех других, кроме Китая, проблемных направлений с полным переключением внимания на Азию, что несет для КНР ряд критических рисков. Вопросы введения новых тарифов со стороны США пока поставлены на паузу, однако создают прямую угрозу для

[20] Interesse G. Is China's economy slowing or quietly stabilizing? A look at October 2025 // China Briefing. 19.11.2025. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-economy-in-october-2025 (accessed: 15.03.2026).

[21] Belt and Road cooperation adds vitality to global trade, economic ties // The State Council of the People's Republic of China. 03.12.2024. URL: https://english.www.gov.cn/news/202412/03/content_WS674ee881c6d0868f4e8eda36.html (accessed: 15.03.2026).

китайского экспорта — ключевого драйвера экономического роста Китая. МВФ оценивает возможные потери от эскалации торговой войны для темпов роста глобального ВВП в размере 0,3% в 2026 г.[22], и существенный урон понесет именно КНР как основной участник конфликта.

Ограничение доступа Китая к передовым западным разработкам, особенно в сфере полупроводников, электронных компонентов и искусственного интеллекта, тоже может подорвать планы Пекина по переходу к инновационной экономике. Это, очевидно, вынуждает Китай активизировать развитие национальных технологических компетенций, но не решает вопрос объективного технологического отставания от Запада [Tung et al., 2025]. Усиливают негативный фон также флуктуации региональной нестабильности в связи с волнами обострения споров с Японией и по тайваньскому вопросу, что жестко увязывает геополитическую напряженность с экономическим взаимодействием.

Летом–осенью 2025 г. Китай демонстрировал активную дипломатическую деятельность в целях снижения негативного внешнего давления. Одним из наиболее значимых действий стала попытка нормализации отношений с Индией после визита министра иностранных дел КНР в Нью-Дели. Улучшение отношений с соседом объективно может способствовать укреплению региональных позиций Пекина и некоторому ослаблению потенциальной антикитайской коалиции. С Японией пока не удается наладить аналогичную эффективную коммуникацию, Китаю приходится демонстрировать риторическую жесткость по проблемным вопросам. Однако можно быть уверенным, что через высокоуровневые каналы продолжается параллельный диалог, призванный не допустить неконтролируемой эскалации. И нельзя не отметить поиск точек соприкосновения с Соединенными Штатами (особенно на фоне жестких и безапелляционных заявлений американского президента), в первую очередь реализовавшийся через давно ожидавшуюся встречу Си Цзиньпина и Д. Трампа на саммите АТЭС в Республике Корея, что отражает приоритетность стабилизации отношений с Вашингтоном для обеспечения благоприятных условий и внутреннего экономического развития.

[22] Edser N. Global growth forecast slashed by IMF over tariff impact // BBC. 22.04.2025. URL: https://www.bbc.com/news/articles/czx415erwkwo (accessed: 15.03.2026).

Активная экономическая стратегия Китая не всегда приветствуется в регионе, где наряду с пониманием выгод экономического сотрудничества с КНР также существуют и опасения относительно растущей зависимости от нее. Иными словами, с одной стороны, страны ЮВА, такие как Вьетнам, Индонезия, Таиланд, получают ощутимые выгоды от доступа к китайскому рынку и от китайских инвестиций в свою инфраструктуру. Например, объем торговли КНР с государствами АСЕАН вырос с 54 млрд долл. в 2006 г. до более чем 690 млрд долл. в 2022 г., что сделало Китай крупнейшим торговым партнером стран региона [см. подробнее: Political economy of East Asian economic integration…, 2025]. С другой стороны, активно обсуждаются тема так называемых долговых ловушек в отношении китайских инвестиций в инфраструктуру, а также вопрос растущего торгового дефицита с Китаем, который уже достигает значительных величин для многих стран АТР.

Индия не рассматривается в данном исследовании как ключевой актор региональных экономических интеграционных процессов, однако стоит заметить, что страна изначально являлась участником переговоров по ВРЭП, но в конечном счете отказалась от присоединения к нему, опасаясь, что снижение тарифов приведет к увеличению потока дешевых китайских товаров и нанесет ущерб местным производителям. Торговый дефицит с КНР достиг на тот момент 48,7 млрд долл., что стало важным фактором в выработке позиции Дели[23]. Другие страны региона также отмечали этот фактор как проблемный, но с учетом ожидаемых выгод от ВРЭП предпочли подписать данное соглашение [см. подробнее: Liu et al., 2025].

Значимым аспектом экономических противоречий в регионе также является конкуренция стандартов и моделей развития [см. подробнее: Morschett et al., 2025]. Например, Китай через ИПП продвигает модель инфраструктурного развития, основанную на масштабных займах под суверенные гарантии и привлечении китайских подрядчиков. В целом такая модель демонстрирует определенную эффективность, но сталкивается с конкуренцией со стороны подходов, продвигаемых Японией и западными странами, которые в своих предложениях делают больший акцент на прозрачности, устойчивом развитии, передаче технологий. Например, в таких

[23] Trade and economic relations // Embassy of India, Beijing, China. URL: https://eoibeijing.gov.in/eoibejing_pages/MjQ (accessed: 15.03.2026).

странах, как Индонезия, Вьетнам и другие, наблюдается серьезная конкуренция между китайскими и японскими инвестициями в проекты высокоскоростных железных дорог[24]. И Китай, и Япония предлагают различные финансовые условия, технологические решения, и выбор не всегда очевиден.

В случае неизменности китайской стратегии региональной экономической интеграции ее долгосрочные перспективы зависят от решения ряда структурных проблем. В первую очередь речь идет о долговой устойчивости стран — участниц ИПП [см. подробнее: Iftikhar et al., 2025]. Следует учитывать и определенную зависимость китайской промышленности от технологий и инвестиций из развитых стран, так как сейчас важные технологические цепочки завязаны на ключевые разработки Западной Европы и США, что не позволяет Пекину предлагать полностью суверенную экономическую модель в своих интеграционных проектах. Нельзя забывать также про достаточно новый вызов — демографический, так как старение населения и рост стоимости рабочей силы в перспективе могут подорвать одно из ключевых конкурентных преимуществ Китая в регионе, если процесс роботизации экономики будет отставать от указанных негативных факторов.

Тем не менее текущая динамика свидетельствует о продолжающемся усилении экономической гравитации Китая в АТР. Даже традиционные союзники США в регионе начинают проводить всё более сбалансированную внешнеполитическую линию без конфронтации с КНР и допускают рост экономической зависимости от китайского рынка. Многоуровневая экономическая стратегия Пекина, сочетающая различные институты типа ВРЭП с двусторонними инфраструктурными проектами в рамках ИПП и прочной финансовой базой, формирует достаточно сложную сеть экономических взаимозависимостей [Гребнев, 2025]. Возможно, именно она в долгосрочной перспективе будет способствовать перетоку экономического влияния в регионе в пользу Пекина.

Китайская стратегия — это не экспансия ради глобального могущества. На наш взгляд, важно избегать двух крайностей в оценке

[24] Zheng Fangting. Development assistance in the Pacific Region from the perspective of US-China rivalry and climate change: Ajiken policy brief no. 229 // Institute of Developing Economies. Japan External Trade Organization. 14.03.2025. URL: https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Reports/AjikenPolicyBrief/pdf/229.pdf (accessed: 15.03.2026). (In Chinese.)

ситуации — как восприятия КНР в качестве «китайского хищника», скупающего всё вокруг, так и образа «китайского благодетеля», несущего всему миру свет развития и многотысячелетней мудрости. Вместо этого предлагается взглянуть на действия Пекина в АТР (да и в целом в мире) через призму, как это ни странно, исторической травмы и долгосрочного планирования. Понимание глубины китайской исторической трагедии — «века унижения» — объясняет, что для КНР ИПП, ВРЭП и другие подобные инициативы — это способ гарантировать, что никогда больше судьба этой страны и этого народа не будет решаться внешними силами. В современном китайском политическом дискурсе это описывается через образ «сада, защищенного от внешних бурь» (花独放不是春，百花齐放春满园, yī huā dú fàng bù shì chūn, bǎi huā qí fàng chūn mǎn yuán — «Один цветок не делает весны, весну приносит сад, полный цветов»).

Главная проблема Китая сейчас не внешняя, а внутренняя. В статье мы намеренно ввели данные о замедлении роста ВВП, дефляции и демографических проблемах. Это колоссальный вызов. И именно здесь кроется главный риск для китайской региональной стратегии. Экономика КНР пока испытывает некоторое давление, последствия быстрого роста и геополитических процессов, но если властям не удастся переломить ситуацию и она забуксует всерьез, то высока вероятность, что вся эта архитектура «поясов и путей», «единых судеб» и «глобальных управлений» может оказаться слишком дорогой в обслуживании. В регионе это видят, и страны начинают задавать себе и Китаю неудобные вопросы: «А с чем останемся мы, если этот несущийся китайский локомотив вдруг сбавит ход?». К сожалению, Пекин пока не дает убедительного ответа, не считая традиционных заверений в общем и прекрасном будущем.

Китай уже не может поддерживать свой экстенсивный рост, как раньше, на гигантских инвестициях. Поток ресурсов слабеет, да и долговая нагрузка стран-реципиентов растет. Пекин вынужден признавать замедление темпов роста, притормаживать некоторые направления, договариваться даже с Индией и Японией. Нельзя сказать, что это признак слабости, скорее — перехода к более сложной, интенсивной фазе экспансии. Сможет ли Китай совершить этот переход — тот вопрос, который встает сейчас на повестку дня.

Но ключевое преимущество КНР — терпение и долгосрочное планирование — сохраняется. В Пекине мыслят десятилетиями, а не электоральными циклами. Победа достигается не взятием фигур

на доске, а медленным планомерным окружением зон присутствия соперника. И это дает Китаю важное преимущество в игре, где политика США резко меняется при переходе от одной администрации к другой.

Японская интеграционная стратегия

Япония строит свою стратегию экономической интеграции в АТР на базе сочетания высокостандартных многосторонних соглашений (прежде всего ВПСТП и ВРЭП), модернизируемых двусторонних и региональных соглашений с АСЕАН, а также инвестиционной и инфраструктурной активности в Южной и Юго-Восточной Азии [см. подробнее: Japan in the Indo-Pacific…, 2022; Urata Shujiro, 2023]. Страна стремится выделиться среди других значимых в регионе игроков и по возможности закрепить за собой статус своего рода «нормативного» лидера, продвигающего достаточно жесткие правила в торговле, инвестициях, цифровой экономике и устойчивой инфраструктуре. В то же время Япония позиционирует себя как ключевого партнера для государств Глобального Юга, заинтересованных в расширении своих экономических связей и снижении зависимости от США и Китая [см. подробнее: Паксютов, 2023].

Центральное место в этой стратегии занимает ВПСТП. Его задача изначально как раз и заключалась в закреплении высоких стандартов в области тарифов, доступа к рынкам услуг, регулирования государственных предприятий, защиты инвестиций и электронной коммерции. А для Токио оно выступало еще и как ключевой инструмент внешнеэкономического роста и структурной модернизации японской экономики[25] [см. подробнее: Urata Shujiro, 2023]. После выхода США из ТТП именно Япония невольно взяла на себя роль главного инициатора «спасения» соглашения и его перезапуска в новом формате. Это в том числе позволило Токио занять одну из центральных позиций в институциональной архитектуре транстихоокеанской интеграции[26]. При этом Япония также участвует и во ВРЭП, выступает

[25] Hoff S. The Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership explained // United States Studies Centre. 03.12.2025. URL: https://www.ussc.edu.au/the-comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnership-explained (accessed: 15.03.2026).

[26] Ibidem; Satoru Kohda, Ayaka Hiraki. Charting Japan's «third path» under Trump 2.0 // East Asia Forum. 13.06.2025. URL: https://eastasiaforum.org/2025/06/13/charting-japans-third-path-under-trump-2-0/ (accessed: 15.03.2026).

за обновление соглашений с АСЕАН, очевидно, пытаясь через связку «ВРЭП–ВПСТП–СВЭП (Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между странами АСЕАН и Японией; ASEAN–Japan Comprehensive Economic Partnership, AJCEP) создать такую систему режимов, где более «мягкие» правила ВРЭП будут дополняться «премиальными» стандартами ВПСТП и своим персональным японским углубленным экономическим партнерством с АСЕАН[27] [см. подробнее: ASEAN–Japan economic partnership…, 2023]. СВЭП используется Токио и отдельно от других форматов для усиления своей роли долгосрочного регионального центра интеграционных процессов. Так как это обновленное соглашение ориентировано больше на устойчивость, цифровизацию и зеленый переход, Япония предлагает соседям набор инфраструктурных и инвестиционных инициатив, интегрированных в региональную повестку устойчивого развития [см. подробнее: ASEAN–Japan economic partnership…, 2023; Japan in the Indo-Pacific…, 2022].

Эксперты отмечают, что ВПСТП имеет потенциал превратиться в альтернативную китайским и американским инициативам платформу, через которую Токио в том числе сможет проецировать свое политико-экономическое влияние не только на растущие рынки ЮВА и Латинской Америки, но и на развитые экономики, такие как Австралия и Канада[28] [см. подробнее: Urata Shujiro, 2023]. В отношениях с США это соглашение является для Японии своего рода инструментом балансирования, а в последнее время — даже страховкой против весьма динамичной американской тарифной политики, поскольку само участие в таком многостороннем жестко регламентированном соглашении позволяет Токио в переговорах с Вашингтоном аргументировать уже взятыми по ВПСТП обязательствами невозможность идти на расширенные уступки[29].

При этом Япония ищет баланс, пытаясь остаться ключевым союзником США в сфере безопасности и использовать для своих интеграционных инициатив привычный и комфортный американоцентричный контур (через координацию экспортного контроля, цепочек поставок и энергетического перехода), но в то же время не

[27] Asian economic integration report 2026: leveraging regional cooperation and integration to navigate global uncertainties // Asian Development Bank. February 2026. URL: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2026_complete.pdf (accessed: 15.03.2026).

[28] Hoff S. Op. cit.

[29] Ibidem; Satoru Kohda, Ayaka Hiraki. Op. cit.

раствориться в нем полностью и сохранить свою особую японскую интеграционную модель в условиях уже постамериканского, но еще не полностью китаецентричного Индо-Тихоокеанского региона[30].

Одними из ключевых элементов японской интеграционной стратегии являются задачи энергетической и климатической трансформации. Япония продвигает в странах-партнерах в Юго-Восточной и Южной Азии зеленый переход, декарбонизацию и развитие водородной энергетики через свои двусторонние и региональные соглашения[31] [см. подробнее: Japan in the Indo-Pacific…, 2022]. Эта повестка формирует конкурентную среду с китайским вектором на создание энергетических и технологических точек интеграции. Токио тоже делает странам-партнерам комплексные предложения, включающие технологии и стандарты ESG, но также и инвестиции, хоть и не такие щедрые, как у Китая. Подобная связка интеграции и энергетического перехода открывает Японии доступ к растущим и уже весьма привлекательным рынкам оборудования, услуг и зеленых финансов. В свою очередь странам АТР выгодна активность японских компаний, так как она дает возможность диверсифицировать источники технологий и капитала в энергетике. Технологически японским компаниям есть что противопоставить китайским конкурентам за региональные заказы. Но специфика рынка АСЕАН заключается в том, что многие страны зачастую выбирают китайского партнера, приходящего с «длинным» инфраструктурным юанем, ожидая программного участия Китая в модернизации своих отраслей, хоть и понимают потенциальные риски такой вовлеченности крупного соседа в свою критическую инфраструктуру[32]. Вероятно, в том числе и поэтому Япония столь активна в региональной многосторонней интеграции, стремится не только укрепить и расширить свою роль «нормативного лидера» в формировании зеленого сектора региональной экономики, но и по возможности снизить свою уязвимость от внешних шоков на мировых энергорынках[33] [см. подробнее: ASEAN–Japan economic partnership…, 2023].

[30] Nagy S.G. Op. cit.; Satoru Kohda, Ayaka Hiraki. Op. cit.

[31] Afridi A. Energy security and transition: Japan's economic strategy in Indo-Pacific // Vivekananda International Foundation. 16.10.2025. URL: https://www.vifindia.org/article/2025/october/16/Energy-Security-and-Transition-Japan-s-Economic-Strategy-in-Indo-Pacific (accessed: 15.03.2026).

[32] Asian economic integration report 2026…

[33] Afridi A. Op. cit.

При всей очевидности преимуществ для Японии, получаемых от ее позиции значимого актора в интеграционных процессах в АТР, эксперты предостерегают Токио от увлеченности только внешней повесткой (в том числе по линии ВПСТП), которая не может компенсировать необходимость внутренних реформ, таких как, например, либерализация защищенных секторов, повышение производительности, адаптация к старению населения и др.[34] [см. подробнее: Паксютов, 2023]. При этом видно, что накопившиеся в стране ресурсные ограничения, такие как критический уровень госдолга, замедление роста экономики, падение покупательной способности иены и затяжной демографический спад, вызывают сомнения в способности Японии в долгосрочной перспективе конкурировать с Китаем и США по инвестиционным инфраструктурным предложениям странам региона[35].

Слабую позицию Токио в этом плане еще больше ухудшают и противоречия между публичными декларациями о поддержке открытой торговли и в то же время практикуемыми мерами «экономической безопасности», связанной с ужесточением экспортного контроля, требований к цепочкам поставок и другими попытками политического дерискинга от Китая, что, конечно, провоцирует негативную реакцию как Пекина, так и ряда государств АТР и Глобального Юга, не заинтересованных в политизации экономического сотрудничества[36] [см. подробнее: Japan in the Indo-Pacific…, 2022].

Японскую стратегию экономической интеграции в АТР можно рассматривать как достаточно выверенную и просчитанную попытку Токио занять нишу нормативного, а может, и инфраструктурного мостика между конкурирующими центрами силы. Регуляторной и практической опорой этих намерений служат ВПСТП, ВРЭП, обновленные соглашения с АСЕАН и даже повестка зеленой и цифровой трансформации. Эффективность этой модели, особенно в долгосрочной перспективе, будет прямо зависеть от возможностей и способности Японии сохранить заложенные в ВПСТП высокие стандарты, в первую очередь при его расширении, удержаться от попыток трансформации этого формата и связанных с ним инициатив

[34] Nagy S.R. Japan must prepare for a post-American Indo-Pacific // The Japan Times. 28.08.2025. URL: https://www.japantimes.co.jp/commentary/2025/08/28/japan/a-post-american-indo-pacific (accessed: 15.03.2026).

[35] Asian economic integration report 2026…

[36] Nagy S.G. The economics of regional integration…

в антикитайском духе и, конечно, найти эффективные решения для возрождения своей экономики, не подменяя реформы внешнеполитическим популизмом. Сумеет ли Токио в условиях ослабления глобальной гегемонии США пересмотреть свою позицию в АТР и найти баланс между, с одной стороны, союзническими обязательствами перед Вашингтоном, а с другой — интересами партнеров в АСЕАН и уже жизненно важной необходимостью налаживания конструктивного взаимодействия с Китаем? Результаты этих процессов будут определять, станет ли Япония не только актором, но и одним из ключевых стабилизирующих элементов конкурентного регионализма в АТР или продолжит конфронтацию с Китаем, превратив ВПСТП и сопутствующие форматы в никому не нужные «тамагочи».

Стратегия АСЕАН: «средние державы» как архитекторы регионального порядка

Авторство термина «средние державы» приписывают Дж. Ботеро, политическому деятелю XVI в. [цит. по: Силаев, 2024], хотя развитие в рамках международных отношений этот феномен получил в середине XX в. в ходе послевоенных дискуссий об устройстве ООН, когда ряд государств, не являвшихся великими державами (Канада, Австралия, Бразилия и др.), тем не менее претендовали на особый статус в мировой системе принятия решений. Этот запрос объяснялся якобы их способностью внести существенный вклад в международную безопасность, так как они обладали значительными экономическими возможностями и влиянием на макрорегиональном уровне. Сейчас при отнесении стран к «средним державам» поведенческий подход превалирует над просто количественной оценкой по ВВП, населению, военному потенциалу. При этом считается, что «средняя держава» обеспечивает свое лидерство в таких сферах, как, например, экология, здравоохранение, контроль над вооружениями, активно участвует в многосторонних институтах и коллективных инициативах, отдавая приоритет международному праву и дипломатии, особенно в разрешении конфликтов [Vlados, Chatzinikolaou, 2025].

В АТР к «средним державам» как по количественным, так и по поведенческим критериям можно отнести Индонезию, Вьетнам, Малайзию, Сингапур, Таиланд [см. подробнее: The future of work in the Asia Pacific…, 2025]. Азиатская специфика проявляется в осо-

бом коллективном формате взаимодействия в рамках АСЕАН, что отличает их от классических «средних держав». Другими словами, в АТР «средние державы» выступают не столько как самостоятельные игроки, сколько как своеобразное ядро региональной системы, существенно влияя на архитектуру международных отношений в своем регионе, особенно когда великие державы, увлеченные конфронтацией, ограниченно способны или готовы поддерживать устойчивое глобальное управление.

Такой асеаноцентричный механизм уникален даже не самим форматом коллективного влияния «средних держав» ЮВА, а своим стратегическим позиционированием в условиях столкновения интересов крупных игроков. По сути, изначальные принципы АСЕАН (невмешательство во внутренние дела, принятие решений консенсусом и др.) постепенно трансформировались в сложный многоуровневый дипломатический механизм, позволяющий сохранять значительную стратегическую автономию в условиях активного доминирования нескольких великих держав [см. подробнее: Petri, Plummer, 2020].

Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., показавший уязвимость региональных экономик перед глобальными деструктивными процессами, подтолкнул страны ЮВА к выработке собственных механизмов экономической устойчивости, таких как Чиангмайская инициатива 2000 г. (Chiang Mai Initiative, CMI) [см. подробнее: Саламатов и др., 2025]. Договоренность о создании собственной своп-сети между центральными банками стран АСЕАН, Китая, Японии и Республики Корея стала важным шагом к региональной самодостаточности, при том что предложение Токио в то же время о создании регионального аналога МВФ — Азиатского валютного фонда — было саботировано Соединенными Штатами, а действия АСЕАН в финансовой сфере вызвали резкую критику руководства МВФ, усмотревшего в этом процессе регионализации угрозу глобальному финансовому управлению[37]. Несмотря на то что Чиангмайская инициатива не дала ожидаемого эффекта во время финансового кризиса 2008 г., АСЕАН в целом и отдельные страны-участницы смогли развить успех консенсуса в ходе переговоров о создании

[37] Köhler H. Focusing the fund on financial stability // Far Eastern Economic Review. 14.06.2001. URL: https://web.archive.org/web/20011217015219/http://www.feer.com/articles/2001/0106_14/p048money.html (accessed: 15.03.2026).

крупнейшей в мире зоны свободной торговли (ВРЭП), показав, что способны самостоятельно управлять вопросами макрорегиональной экономической стабильности. Это яркий пример того, как институциональный опыт и «мягкая сила» консенсуса превратили кризисное управление в проактивное региональное строительство, а в дальнейшем — и в геоэкономическое влияние [Чжан Цзэмин, 2023].

Именно в это время началась институционализация асеаноцентричности, когда главным уроком Чиангмайской инициативы стало понимание, что АСЕАН из-за ограниченности ресурсов может зачастую быть только инициатором, но не единственным гарантом стабильности. Чиангмайская инициатива создала столь важный для региона прецедент, сведя за столом переговоров в формате «АСЕАН+3» Китай, Японию и Корею.

Затем АСЕАН перенесла этот принцип («+1» и «+3») на торговые вопросы. Так стала формироваться нейтральная платформа, где могли встречаться конкурирующие державы (особенно Китай и Япония, а позже — Индия с Австралией/Новой Зеландией). Но если Чиангмайская инициатива была способом экстренно договориться post factum, уже после наступления кризиса, то переговоры по ВРЭП под эгидой АСЕАН научили страны региона договариваться наперед, создавая общие правила на будущие десятилетия совместного развития.

По сути, АСЕАН предложила облегченную версию глобализации: раз мы не можем учредить Азиатский валютный фонд (как предлагала Япония в конце 1990-х гг.), то давайте создадим крупнейшую в мире зону свободной торговли. Были ожидания, что в результате изменится структура торговли, укрепятся региональные цепочки добавленной стоимости и, следовательно, повысится финансовая устойчивость стран региона с одновременным снижением зависимости от западных рынков (США и Евросоюза).

Тем самым АСЕАН инициировала многосторонний процесс, в котором главным товаром стала не ликвидность (деньги), а доступ к рынкам и стандартам, а главной философией взаимодействия участников — «Путь АСЕАН», т. е. принципы невмешательства, постепенности и консенсуса. Именно благодаря этому подходу («не давить») удалось тогда уговорить Индию присоединиться (хотя позже она вышла) и удержать Китай с Японией, несмотря на их серьезные политические разногласия. Все смогли договориться об общих правилах происхождения товаров, которые учитывали ин-

тересы как развитых (Сингапур), так и развивающихся экономик (Вьетнам, Камбоджа, Мьянма). Каждое последующее соглашение давалось легче, потому что уровень взаимного институционального доверия вырос. Так была создана архитектура, которая «заякорила» интересы Китая и Японии в регионе ЮВА, сделав АСЕАН незаменимым звеном глобальных цепочек поставок.

Важным элементом внешней политики АСЕАН является стратегия вовлечения всех держав [см. подробнее: Raj Aura et al., 2025]. Это можно видеть в создании множества субструктур и форматов, таких как Региональный форум АСЕАН по безопасности, Восточноазиатский саммит, Совещание министров обороны АСЕАН с диалоговыми партнерами. Логика такого подхода заключается в маневрировании между конкурирующими в регионе центрами экономического и политического влияния с целью получить выгоду от различных интеграционных проектов, продвигаемых Китаем, США, Японией. Возможно, именно поэтому страны АСЕАН одновременно участвуют и во ВРЭП, и в ИТЭС. При этом собственная экономическая составляющая АСЕАН, основа ее политического влияния, продолжает расти. Совокупный ВВП стран-участниц достиг в 2024 г. 3,95 трлн долл. с прогнозом на 2030 г. в 5,7 трлн долл., т. е. регион сохранит статус одного из самых быстрорастущих в мире с устойчивым ростом объемов инфраструктурных инвестиций, частного потребления, позитивной демографической динамикой[38].

Последний критерий имеет неоднозначную структуру по странам региона. Если в целом экономический потенциал АСЕАН подкрепляется хорошим демографическим фундаментом с общей численностью населения 686 млн человек и высокой растущей долей молодого трудоспособного населения, то в ряде стран (Сингапур, Таиланд, Бруней) на первый план выходит проблема старения населения с негативными показателями, превышающими даже уровень Японии и Республики Корея[39]. Это вызывает дополнительные сложности в выработке единой социально-экономической политики в рамках ассоциации, особенно с учетом продолжающегося расширения

[38] Gross domestic product (GDP) of the ASEAN countries from 2020 to 2030 (in billion U.S. dollars) // Statista. October 2025. URL: https://www.statista.com/statistics/796245/gdp-of-the-asean-countries (accessed: 15.03.2026).

[39] Total population of the ASEAN countries from 2020 to 2030 (in millions) // Statista. October 2025. URL: https://www.statista.com/statistics/796222/total-population-of-the-asean-countries (accessed: 15.03.2026).

организации (26 октября 2025 г. состоялось вступление в АСЕАН Восточного Тимора).

Другим серьезным вызовом является ситуация с государственным долгом в некоторых странах-участницах. В целом по организации доля госдолга по отношению к ВВП составила 80,7% в 2024 г. (2446,43 млрд долл.) [приводится по: Срейнет, 2025]. Сингапур имеет самое высокое отношение государственного долга к ВВП в регионе (173%), общий объем составляет 926,5 млрд долл. Второе место занимает Индонезия — 424,8 млрд долл., дальше идет Таиланд с 306,20 млрд долл. Такая ситуация налагает определенные ограничения на возможности стран по инвестированию в борьбу с чрезвычайными ситуациями или с климатическими изменениями, что чрезвычайно важно для региона с большим числом разрушительных тайфунов и наводнений.

Не менее важен и общемировой тренд на цифровую трансформацию. Между странами — участницами АСЕАН существует значительный цифровой разрыв, что усугубляется необходимостью сохранения занятости для преобладающей низкоквалифицированной рабочей силы, а также вопросами энергообеспечения государств, поскольку требуемые для масштабной цифровизации центры обработки данных нуждаются в дополнительной энергогенерации [см. подробнее: Liu et al., 2025].

На наш взгляд, АСЕАН — это один из самых недооцененных игроков на мировой арене. В западных экспертных кругах нередко можно встретить отношение к АСЕАН как к разменной фигуре в битве США и Китая или как к «клубу болтунов», где решения принимаются консенсусом, а значит, не принимаются никогда. Нам кажется, это глубочайшее заблуждение.

Стратегия «вовлечения всех» — это не слабость АСЕАН, а дипломатия высшего уровня и геополитическая мудрость. Концепция «асеаноцентричности» — это не просто красивая дипломатическая формула. Напротив, это проверенная стратегия выживания и процветания. При согласовании и подписании ВРЭП удалось усадить за один стол Китай, Японию, Корею, Австралию и Новую Зеландию и убедить их договориться на условиях, удобных в первую очередь самой АСЕАН. При этом она не стремится стать «третьим полюсом», у нее нет для этого военной мощи. Но она смогла стать «межсистемным интерфейсом». И любая великая держава, которая хочет работать в регионе, вынуждена учитывать существование

этой платформы, понимать, а зачастую и принимать ее правила. Пока США и Китай сталкиваются в многоуровневой конфронтации, АСЕАН собирает дивиденды от этой конкуренции, оставаясь незаменимым посредником.

* * *

На начальном этапе формирования нового многополярного миропорядка процессы, происходящие в АТР, можно рассматривать как апробацию новых моделей экономического управления макрорегионами. Это не просто конкурирующие проекты региональной интеграции, а полноценные стратегии, определяющие правила игры на ближайшие десятилетия, включая вопросы межгосударственных экономических коммуникаций, единых технических и экологических стандартов, комплексы институциональных структур. При этом важен не только политико-экономический вес инициаторов этих проектов, но также их способность выйти за рамки своих стратегических интересов, предложив многочисленным и очень непохожим друг на друга странам региона действительно выгодную, понятную и безрисковую повестку сотрудничества.

По прогнозам МВФ, к 2028 г. в АТР будет создаваться более 40% мирового ВВП[40]. Перераспределение глобальных экономических центров в пользу Азии потребует и корректировки системы глобального управления с формированием альтернативных финансовых институтов и механизмов расчетов, снижением зависимости азиатских экономик от долларовой и в целом западной финансовой системы [см. подробнее: Бондаренко, Санников, 2025; Vlados, Chatzinikolaou, 2025]. При этом нарастание азиатской экономической мощи, успех азиатских моделей экономического развития будут в глобальном масштабе поддерживать ослабление доминирующей англосаксонской экономической парадигмы. Никакого сближения геостратегических соперников не наблюдается[41]. Напротив, раскол между ними углубляется, множатся инструменты сдерживания и ограничений. Весьма сомнительно, что в этой ситуации в Азии сформируется такая

[40] GDP, current prices (Billions of U.S. dollars) // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD?year=2028 (accessed: 15.03.2026).

[41] China's position on some issues concerning China-US economic and trade relations // State Council Information Office of PRC. 09.04.2025. URL: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2025-04/09/content_117814362.html (accessed: 15.03.2026).

региональная экономическая архитектура, при которой все великие и «средние» державы на компромиссной и гармоничной основе совместно создавали бы новые институциональные объединения на принципах инклюзивности и баланса интересов.

Исходя из этого, можно в качестве базового сценария спрогнозировать сосуществование и параллельное развитие в АТР нескольких региональных структур с различными правилами, стандартами и механизмами управления. Вокруг Китая, его производственных, технологических, логистических, инвестиционных цепочек формируется интегрированное экономическое пространство на основе ИПП и ВРЭП [см. подробнее: Iftikhar et al., 2025; Political economy of East Asian economic integration…, 2025]. Главный конкурент — ИТЭС с фокусом на стандартах цифровой экономики, экологической устойчивости и прозрачного управления.

Очевидно, что именно вокруг двух основных центров экономической гравитации — китайского и американского — будет происходить постепенная консолидация региональных экономик, особенно в случае дальнейшей эскалации торгово-технологического противостояния между Вашингтоном и Пекином. К этому их, несомненно, будет подталкивать усиление технологического раскола, особенно в таких критических секторах, как полупроводниковая промышленность и искусственный интеллект. Однако также очевидно, что страны АТР, прежде всего участницы АСЕАН, будут в том числе через асеаноцентричные механизмы формировать собственные правила межбиполярного взаимодействия, выступая в роли связующего звена между различными интеграционными проектами. Такая практика многовекторной экономической дипломатии уже успешно опробована как странами АСЕАН, так и Республикой Корея и Индией с целью сохранить пространство для своего экономического маневра [см. подробнее: Raj Aura et al., 2025].

Россия в контексте этих трансформаций объективно не имеет возможности для проведения гибкого курса или, наоборот, диктата своей воли. С одной стороны, переориентация экономических связей на азиатское направление, казалось бы, создает предпосылки для компенсации потерь на западных рынках и привлечения столь необходимых инвестиций и технологий [см. подробнее: Ельникова, 2024; Фомин, Кузнецов, 2024]. С другой стороны, структурные уязвимости российской экономики — ее всё еще значительная сырьевая ориентация и технологическое отставание в большинстве

несырьевых секторов — существенно ограничивают возможность РФ полноценно интегрироваться в региональные производственные цепочки. Скорее всего, Россия в ближайшей перспективе сохранит роль поставщика энергоресурсов и некоторых видов сырья, но не станет значимым участником региональных интеграционных процессов [Фомин, Кузнецов, 2024].

В заключение следует подчеркнуть, что наблюдаемая нами трансформация азиатской экономической архитектуры представляет собой сложный, нелинейный процесс, исход которого будет определяться взаимодействием множества факторов — от динамики китайско-американского соперничества до способности «средних держав» сохранять пространство для стратегического маневра. С учетом последних «черных лебедей» — пандемии COVID-19 и украинского конфликта — вряд ли стоит ожидать безоблачного будущего в регионе и мире. Формирующаяся многополярная система будет существенно отличаться от предыдущих исторических аналогов значительно большей сложностью, взаимозависимостью и наличием множества центров влияния, не сводимых к традиционной биполярной схеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева О.Н., Ильина А.А. Регионализация мировой экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. Т. 10. С. 33–37. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-10-33-37.

2. Бондаренко К.А., Санников О.А. Архитектура мировой финансовой системы: трансформация vs стабильность? // Пространственная экономика. 2025. Т. 21, № 1. С. 136–162. DOI: 10.14530/se.2025.1.136-162.

3. Верхоломов С.А. Трансформация международных отношений в Восточной Азии в конце XX — начале XXI в. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17, № 2. С. 121–134. DOI: 10.31249/kgt/2024.02.06.

4. Верхоломов С.А. США и процессы регионализации в Восточной Азии // Актуальные проблемы мировой политики: X Ежегодная международная научная конференция молодых ученых (сборник статей) / отв. ред. О.А. Тимакова. М.: [Б. и.], 2024. С. 155–161.

5. Гребнев Р.Д. Основы внешней политики Китая в контексте формирования децентрализованной системы глобального регулирования международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2025. № 1. С. 15–29. DOI: 10.56429/2414-4894-2025-51-1-15-29.

6. Ельникова Ю.В. Российский поворот на восток: достижения, проблемы и перспективы // Мировая политика. 2024. № 3. С. 9–20. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.3.71764.

7. Ноздрев С.В. Глобальные цепочки создания стоимости в Азии на новом этапе международной конкуренции // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 2. С. 44–60. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-2-44-60.

8. Паксютов Г.Д. Экономическая активность Японии в АТР: эволюция стратегии в меняющихся условиях // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 2. С. 6–16. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-2-6-16.

9. Романов И.Г. Современные тенденции развития глобальных цепочек создания стоимости в мировой экономике // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2025. Т. 60, № 2. С. 106–125. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-6.

10. Саламатов В.Ю., Тангаева А.В., Жаркова А.А. Мегарегиональные соглашения в условиях фрагментации мировой экономики: стратегии ЕС и Китая // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 2. С. 167–184. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_167_184.

11. Силаев Н.Ю. Граждане мирового большинства // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 3. С. 47–66. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-47-66.

12. Срейнет Ю. Структура государственного долга стран АСЕАН // Валютное регулирование. Валютный контроль. 2025. № 7. С. 64–77.

13. Фомин М.В., Кузнецов П.В. Устойчиво-безопасное развитие Сибири и Дальнего Востока России в контексте стратегического партнерства Москвы и Пекина // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 4 (85). С. 154–169. DOI: 10.52311/2079-3359_2024_4_154.

14. Чжан Цзэмин. Региональное управление в Восточной Азии в условиях «нового ритуального порядка» (新礼治秩序). Часть 1 // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 5–21. DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_5.

15. ASEAN–Japan economic partnership for a sustainable and resilient future / ed. by Keita Oikawa, Fusanori Iwasaki // Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA). August 2023. URL: https://www.eria.org/uploads/ASEAN-Japan-Economic-Partnership-for-a-Sustainable-and-Resilient-Future-rev3_.pdf (accessed: 15.03.2026).

16. Aung Kyaw. China's rising influence in Myanmar: implications, responses, and future strategy // China's rise in mainland ASEAN: regional evidence and local responces / ed. by Suthiphand Chirathivat, Buddhagarn Rutchatorn, Wasutadon Nakawiroj. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2021. P. 77–102.

17. The future of work in the Asia Pacific: addressing critical skills shortages for sustainable development / ed. by S.P. Dhakal, A. Nankervis, J. Burgess. London: Routledge, 2025.

18. Hoang Hai Ha, Le Lena. ASEAN centrality and regional security in the context of great power rivalry // Asia-Pacific Leadership Network. November 2022. URL: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2022/11/PB-91-Ha-Le-B.pdf (accessed: 15.03.2026).

19. Iftikhar H., Ullah A., Pinglu C. From regional integrated development toward sustainable future: evaluating the Belt and Road Initiative's spillover impact between tourism, Fintech and inclusive green growth // Clean Technologies and Environmental Policy. 2025. Vol. 27. P. 1427–1454. DOI: 10.1007/s10098-024-02890-3.

20. Japan in the Indo-Pacific: investing in partnerships in South and Southeast Asia / ed. by S.R. Nagy // Institute for Security & Development Policy. August 2022. URL: https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/2022/08/ISDP-Special-Paper-Japan-in-the-Indo-Pacific.pdf (accessed: 15.03.2026).

21. Kliman D., Doshi R., Lee K., Cooper Z. Grading China's Belt and Road // Center for a New American Security (CNAS). April 2019. URL: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/CNAS+Report_China+Belt+and+Road_final.pdf (accessed: 15.03.2026).

22. Liu C., Zhou J., Wen W. et al. The effect of the Regional Comprehensive Economic Partnership on Taiwan's global value chain of the electronic information industry // Sustainability. 2025. Vol. 17, No. 281. P. 1–16. DOI: 10.3390/su17010281.

23. Manpreet S., Fang L., Elaine N. Managing multiple multipolarities: evolving interstate relations in the Asia-Pacific // Asia-Pacific Leadership Network. July 2025. URL: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2025/07/Managing-Multiple-Multipolarities.pdf (accessed: 15.03.2026).

24. Mariotti S. «Win-lose» globalization and the weaponization of economic policies by nation-states // Critical Perspectives on International Business. 2024. Vol. 20, No. 5. P. 638–659. DOI: 10.1108/cpoib-09-2023-0089.

25. Morschett D., Schramm-Klein H., Zentes J., Bader B. Market barriers, global and regional integration // Strategic international management. 4th ed. / ed. by D. Morschett, H. Schramm-Klein, J. Zentes, B. Bader. Cham: Springer, 2025. P. 167–192.

26. Nagy S.G. The economics of regional integration. London: Routledge, 2025.

27. Nam Tien, Thu Trang. America and China in the Asia-Pacific: a new regional Cold War? // Cogent Arts & Humanities. 2023. Vol. 10. P. 1–9. DOI: 10.1080/23311983.2023.2220215.

28. Papanikos G.T. The future of globalization // Athens Journal of Business & Economics. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 87–108. DOI: 10.30958/ajbe.10-2-1.

29. Petri P.A., Plummer M.G. East Asia decouples from the United States: trade war, COVID-19, and East Asia's new trade blocs. Working paper 20-9 // Peterson Institute for International Economics. June 2020. URL: https://www.

piie.com/publications/working-papers/east-asia-decouples-united-states-trade-war-covid-19-and-east-asias-new (accessed: 15.03.2026).

30. Political economy of East Asian economic integration: the process of the RCEP negotiations and beyond / ed. by F. Iwasaki, K. Oikawa, S. Urata. London: Routledge, 2025.

31. Raj Aura A., Tsabita Kh., Septiany Putri E. et al. ASEAN's contribution as an international organization to regional economic cooperation through Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // Proceeding of IROFONIC 2024 «Strengthening Partnership for Sustainable Development». 2025. Vol. 1, No. 1. P. 226–235. URL: https://proirofonic.upnjatim.ac.id/index.php/proirofonic/article/view/74/72 (accessed: 15.03.2026).

32. Roudometof V. How should we think about globalization in a post-globalization era? // Dialogues in Sociology. 2024. Vol. 1, No. 1. P. 13–26. DOI: 10.1177/29768667241293053.

33. Songying Fang, Xiaojun Li. Southeast Asia under great-power competition: public opinion about hedging in the Philippines // Journal of East Asian Studies. 2022. Vol. 22. P. 481–501. DOI: 10.1017/jea.2022.35.

34. Stanojević N. China's economic influence in South Asia: a case study of Sri Lanka // China in world and regional politics (history and modernity). Iss. XXVIII / ed. by E.I. Safronova. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), 2024. P. 340–354.

35. Tankel S., Curtis L., Fitt J., Goldberg C. Positive visions, powerful partnerships: the keys to competing with China in a post-pandemic Indo-Pacific // Center for a New American Security (CNAS). March 2021. URL: https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-Post-Pandemic-Indo-Pacific-final-B.pdf (accessed: 15.03.2026).

36. Tong Zhao. The perception gap and the China-US relationship // Asia-Pacific Leadership Network. February 2023. URL: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2023/01/Tong-Zhao-The-Perception-Gap-and-the-China-US-Relationship.pdf (accessed: 15.03.2026).

37. Tung P.-H., Chiu Y.-H., Huang C.-H. Exploring the research development trajectory and trends of green finance // Asia Pacific Management Review. 2025. Vol. 30, No. 3. Art. No. 100329. DOI: 10.1016/j.apmrv.2024.10.001.

38. Urata Shujiro. Japan's East Asia economic strategy toward economic revival // Institute of Developing Economies. Japan External Trade Organization. March 2023. URL: https://www.ide.go.jp/English/ResearchColumns/Columns/2023/urata_shujiro.html (accessed 15.03.2026).

39. Vlados C., Chatzinikolaou D. The emergence of the new globalization: the approach of the evolutionary structural triptych // Journal of Global Responsibility. 2025. Vol. 16, No. 1. P. 139–161. DOI: 10.1108/JGR-04-2023-0063.

40. Yang Y.E., Keller J.W. Perceptions of China among American elites: sources and change, 1979–2022 // Journal of Chinese Political Science. 2025. Vol. 30. P. 589–619. DOI: 10.1007/s11366-025-09911-y.

41. Zhang Guojun. A study on Asia-Pacific economic integration from the perspective of a community with a shared future for mankind. Beijing: Guangming Daily Press, 2021. (In Chinese.)

42. Zhou Jianshan, Sun Shui'e. An empirical study on the trade effect of rules of origin under the RCEP framework // Wealth Life. 2025. No. 7. P. 115–117. (In Chinese.)

REFERENCES

1. Afanasyeva, O.N. and Il'ina, A.A. (2025) 'Regionalizatsiya mirovoi ekonomiki' [Regionalization of the world economy], *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 10, pp. 33–37. Available at: https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-10-33-37. (In Russian.)

2. Bondarenko, K.A. and Sannikov, O.A. (2025) 'Arkhitektura mirovoi finansovoi sistemy: transformatsiya vs stabil'nost' [Architecture of the global financial system: transformation vs stability?], *Prostranstvennaya ekonomika*, 21(1), pp. 136–162. Available at: https://doi.org/10.14530/se.2025.1.136-162. (In Russian.)

3. Verkholomov, S.A. (2024a) 'Transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii v kontse XX — nachale XXI v.' [The transformation of international relations in East Asia at the end of the XX — early XXI centuries], *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 17(2), pp. 121–134. Available at: https://doi.org/10.31249/kgt/2024.02.06. (In Russian.)

4. Verkholomov, S.A. (2024b) 'SShA i protsessy regionalizatsii v Vostochnoi Azii' [USA and regionalization processes in East Asia], in O.A. Timakova (ed.) *Aktual'nye problemy mirovoi politiki. X Ezhegodnaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya molodykh uchenykh (sbornik statei)* [Actual problems of world politics. 10th annual international scientific conference of young scientists (collection of articles)]. Moscow, pp. 155–161. (In Russian.)

5. Grebnev, R.D. (2025) 'Osnovy vneshnei politiki Kitaya v kontekste formirovaniya detsentralizovannoi sistemy global'nogo regulirovaniya mezhdunarodnykh otnoshenii' [Fundamentals of China's foreign policy in the context of the formation of a decentralized system of global regulation of international relations], *Lomonosov Moscow University Bulletin. Series 27. Global Studies and Geopolitics*, (1), pp. 15–29. Available at: https://doi.org/10.56429/2414-4894-2025-51-1-15-29. (In Russian.)

6. Elnikova, Yu.V. (2024) 'Rossiiskii povorot na vostok: dostizheniya, problemy i perspektivy' [Russian turn to the east: achievements, problems and prospects],

Mirovaya politika, (3), pp. 9–20. Available at: https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.3.71764. (In Russian.)

7. Nozdrev, S.V. (2025) 'Global'nye tsepochki sozdaniya stoimosti v Azii na novom etape mezhdunarodnoi konkurentsii' [Global value chains in Asia at a new stage of international competition], *Russian Foreign Economic Journal*, (2), pp. 44–60. Available at: https://doi.org/10.24412/2072-8042-2025-2-44-60. (In Russian.)

8. Paksyutov, G.D. (2023) 'Ekonomicheskaya aktivnost' Yaponii v ATR: evolyutsiya strategii v menyayushchikhsya usloviyakh' [Japan's economic activity in Asia-Pacific: evolving strategy for the changing circumstances], *East Asia: Facts and Analytics*, (2), pp. 6–16. Available at: https://doi.org/10.24412/2686-7702-2023-2-6-16. (In Russian.)

9. Romanov, I.G. (2025) 'Sovremennye tendentsii razvitiya global'nykh tsepochek sozdaniya stoimosti v mirovoi ekonomike' [Current trends of global value chains in the world economy], *Lomonosov Economics Journal*, 60(2), pp. 106–125. Available at: https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-6. (In Russian.)

10. Salamatov, V.Yu., Tangaeva, A.V. and Zharkova, A.A. (2025) 'Megaregional'nye soglasheniya v usloviyakh fragmentatsii mirovoi ekonomiki: strategii ES i Kitaya' [Mega-regional agreements in the context of world economic fragmentation: EU and China strategies], *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, (2), pp. 167–184. Available at: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_2_167_184. (In Russian.)

11. Silaev, N.Yu. (2024) 'Grazhdane mirovogo bol'shinstva' [Citizens of the global majority], *Russia in Global Affairs*, 22(3), pp. 47–66. Available at: https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-47-66. (In Russian.)

12. Sreynet, Yu. (2025) 'Struktura gosudarstvennogo dolga stran ASEAN' [Public debt structure of ASEAN countries], *Valyutnoe regulirovanie. Valyutnyi kontrol'*, (7), pp. 64–77. (In Russian.)

13. Fomin, M.V. and Kuznetsov, P.V. (2024) 'Ustoichivo-bezopasnoe razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii v kontekste strategicheskogo partnerstva Moskvy i Pekina' [Sustainable and secure development of Russia's Siberia and the Far East in the context of strategic partnership between Moscow and Beijing], *National Strategy Issues*, 4(85), pp. 154–169. Available at: https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_4_154. (In Russian.)

14. Zhang Zemin (2023) 'Regional'noe upravlenie v Vostochnoi Azii v usloviyakh "novogo ritual'nogo poryadka" (新礼治秩序). Chast' 1' [Regional governance in East Asia under the "new ritual order" (新礼治秩序). Part 1], *World of Russian-Speaking Countries*, 1(15), pp. 5–21. Available at: https://doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_5. (In Russian.)

15. Oikawa, K. and Iwasaki, F. (eds) (2023) *ASEAN–Japan economic partnership for a sustainable and resilient future*. Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA). Available at: https://www.eria.org/uploads/

ASEAN-Japan-Economic-Partnership-for-a-Sustainable-and-Resilient-Future-rev3_.pdf (Accessed: 15 March 2026).

16. Aung Kyaw (2021) 'China's rising influence in Myanmar: implications, responses, and future strategy', in S. Chirathivat, B. Rutchatorn, and W. Nakawiroj (eds) *China's rise in mainland ASEAN: regional evidence and local responses*. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., pp. 77–102.

17. Dhakal, S.P., Nankervis, A. and Burgess, J. (eds) (2025) *The future of work in the Asia Pacific: addressing critical skills shortages for sustainable development*. London: Routledge.

18. Hoang Hai Ha and Le Lena (2022) *ASEAN centrality and regional security in the context of great power rivalry*. Asia-Pacific Leadership Network. Available at: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2022/11/PB-91-Ha-Le-B.pdf (Accessed: 15 March 2026).

19. Iftikhar, H., Ullah, A. and Pinglu, C. (2025) 'From regional integrated development toward sustainable future: evaluating the Belt and Road Initiative's spillover impact between tourism, Fintech and inclusive green growth', *Clean Technologies and Environmental Policy*, 27, pp. 1427–1454. Available at: https://doi.org/10.1007/s10098-024-02890-3.

20. Nagy, S.R. (ed.) (2022) *Japan in the Indo-Pacific: investing in partnerships in South and Southeast Asia*. Institute for Security & Development Policy. Available at: https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/2022/08/ISDP-Special-Paper-Japan-in-the-Indo-Pacific.pdf (Accessed: 15 March 2026).

21. Kliman, D., Doshi, R., Lee, K. and Cooper, Z. (2019) *Grading China's Belt and Road*. Center for a New American Security (CNAS). Available at: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/CNAS+Report_China+Belt+and+Road_final.pdf (Accessed: 15 March 2026).

22. Liu, C., Zhou, J., Wen, W., *et al.* (2025) 'The effect of the Regional Comprehensive Economic Partnership on Taiwan's global value chain of the electronic information industry', *Sustainability*, 17(281), pp. 1–16. Available at: https://doi.org/10.3390/su17010281.

23. Manpreet, S., Fang, L. and Elaine, N. (2025) *Managing multiple multipolarities: evolving interstate relations in the Asia-Pacific*. Asia-Pacific Leadership Network. Available at: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2025/07/Managing-Multiple-Multipolarities.pdf (Accessed: 15 March 2026).

24. Mariotti, S. (2024) '"Win-lose" globalization and the weaponization of economic policies by nation-states', *Critical Perspectives on International Business*, 20(5), pp. 638–659. Available at: https://doi.org/10.1108/cpoib-09-2023-0089.

25. Morschett, D., Schramm-Klein, H., Zentes, J. and Bader, B. (2025) 'Market barriers, global and regional integration', in D. Morschett, H. Schramm-Klein, J. Zentes, and B. Bader (eds) *Strategic international management*. 4th edn. Cham: Springer, pp. 167–192.

26. Nagy, S.G. (2025) *The economics of regional integration*. London: Routledge.

27. Nam Tien and Thu Trang (2023) 'America and China in the Asia-Pacific: a new regional Cold War?', *Cogent Arts & Humanities*, 10, pp. 1–9. Available at: https://doi.org/10.1080/23311983.2023.2220215.

28. Papanikos, G.T. (2024) 'The future of globalization', *Athens Journal of Business & Economics*, 10(2), pp. 87–108. Available at: https://doi.org/10.30958/ajbe.10-2-1.

29. Petri, P.A. and Plummer, M.G. (2020) *East Asia decouples from the United States: trade war, COVID-19, and East Asia's new trade blocs. Working paper 20-9*. Peterson Institute for International Economics. Available at: https://www.piie.com/publications/working-papers/east-asia-decouples-united-states-trade-war-covid-19-and-east-asias-new (Accessed: 15 March 2026).

30. Iwasaki, F., Oikawa, K. and Urata, S. (eds) (2025) *Political economy of East Asian economic integration: the process of the RCEP negotiations and beyond*. London: Routledge.

31. Raj Aura, A., Tsabita, Kh., Septiany Putri, E., et al. (2025) 'ASEAN's contribution as an international organization to regional economic cooperation through Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP)', *Proceeding of IROFONIC 2024 "Strengthening Partnership for Sustainable Development"*, 1(1), pp. 226–235. Available at: https://proirofonic.upnjatim.ac.id/index.php/proirofonic/article/view/74/72 (Accessed: 15 March 2026).

32. Roudometof, V. (2024) 'How should we think about globalization in a post-globalization era?', *Dialogues in Sociology*, 1(1), pp. 13–26. Available at: https://doi.org/10.1177/29768667241293053.

33. Songying Fang and Xiaojun Li (2022) 'Southeast Asia under great-power competition: public opinion about hedging in the Philippines', *Journal of East Asian Studies*, 22, pp. 481–501. Available at: https://doi.org/10.1017/jea.2022.35.

34. Stanojević, N. (2024) 'China's economic influence in South Asia: a case study of Sri Lanka', in E.I. Safronova (ed.) *China in world and regional politics (history and modernity)*, Iss. XXVIII. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), pp. 340–354.

35. Tankel, S., Curtis, L., Fitt, J. and Goldberg, C. (2021) *Positive visions, powerful partnerships: the keys to competing with China in a post-pandemic Indo-Pacific*. Center for a New American Security (CNAS). Available at: https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-Post-Pandemic-Indo-Pacific-final-B.pdf (Accessed: 15 March 2026).

36. Tong, Zh. (2023) *The perception gap and the China-US relationship*. Asia-Pacific Leadership Network. Available at: https://cms.apln.network/wp-content/uploads/2023/01/Tong-Zhao-The-Perception-Gap-and-the-China-US-Relationship.pdf (Accessed: 15 March 2026).

37. Tung, P.-H., Chiu, Y.-H. and Huang, C.-H. (2025) 'Exploring the research development trajectory and trends of green finance', *Asia Pacific Management Review*, 30(3), Art. No. 100329. Available at: https://doi.org/10.1016/j.apmrv.2024.10.001.

38. Urata Shujiro (2023) *Japan's East Asia economic strategy toward economic revival*. Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization. Available at: https://www.ide.go.jp/English/ResearchColumns/Columns/2023/urata_shujiro.html (Accessed: 15 March 2026).

39. Vlados, C. and Chatzinikolaou, D. (2025) 'The emergence of the new globalization: the approach of the evolutionary structural triptych', *Journal of Global Responsibility*, 16(1), pp. 139–161. Available at: https://doi.org/10.1108/JGR-04-2023-0063.

40. Yang, Y.E. and Keller, J.W. (2025) 'Perceptions of China among American elites: sources and change, 1979–2022', *Journal of Chinese Political Science*, 30, pp. 589–619. Available at: https://doi.org/10.1007/s11366-025-09911-y.

41. Zhang Guojun (2021) *A study on Asia-Pacific economic integration from the perspective of a community with a shared future for mankind*. Beijing: Guangming Daily Press. (In Chinese.)

42. Zhou Jianshan and Sun Shui'e (2025) 'An empirical study on the trade effect of rules of origin under the RCEP framework', *Wealth Life*, (7), pp. 115–117. (In Chinese.)

Статья поступила в редакцию 30.11.2025;
одобрена после рецензирования 14.03.2026;
принята к публикации 20.04.2026

The paper was submitted 30.11.2025;
approved after reviewing 14.03.2026;
accepted for publication 20.04.2026